

Сяо Мин с улыбкой слегка помахал ему рукой. Дождавшись, пока Линь Чжу выйдет, он поднялся и жестом предложил Гу Цину сесть. С невозмутимым видом взяв платок, Сяо Мин принялся бережно вытирать влажные волосы юноши и проговорил:

— Ничего особенного, просто спросил к слову. В те дни, что меня не было, никто не смел тебя обижать?

Гу Цин слегка опешил, не ожидая такого вопроса. В следующее мгновение он озарился улыбкой, подобной распутившемуся весеннему цветку:

— Я ведь всё время во дворце, кто же посмеет меня обидеть? Его Величество и Императрица окружили меня такой заботой, что лучше и быть не может!

Его улыбка, теплая и ласковая, словно весенний ветерок, невольно приковывала взгляд. Сяо Мин внимательно оглядел его с ног до головы: юноша даже немного округлился, а вовсе не исхудал, и на душе у Сяо Мина стало спокойнее. Он прекрасно знал, что при дворе большинство людей — приспособленцы, готовые льстить сильным, и опасался, что в его отсутствие кто-нибудь притеснит дорогого ему человека. Хотя перед отъездом он неоднократно просил отца и мать присмотреть за Гу Цинем, всё же боялся, что найдутся недалекие люди, которые воспользуются его отсутствием. А Гу Цин был из тех, кто не станет сводить счёты, пока его не припрут к стенке. Именно поэтому Сяо Мин так тревожился.

В его сердце Гу Цин всё ещё оставался тем невинным ребенком, и Сяо Мин даже не подозревал, что юноша уже давно изменился.

Гу Цин сказал правду: хотя Император и Императрица действительно заботились о нем, втайне всегда находились смельчаки, которые в лицо не смели ничего сделать, но исподтишка строили ему козни. Поскольку монаршие особы не всегда могли вмешаться, Гу Цин привык отвечать на удары собственными методами. Нескольким обидчикам, подпортившим его лошадей, он тут же заставил заплатить по счетам. Даже если они догадывались, кто это сделал, — что толку? Нет доказательств, кто же поверит? Им оставалось лишь проглотить обиду. Если бы они вздумали жаловаться, то тем самым признались бы в собственных проделках, ведь все их слуги и конюхи были живыми свидетелями.

Вельможи, не в силах стерпеть, шли жаловаться Императору, но осмеливались выкладывать лишь часть правды. Впрочем, Император знал обо всем ещё до их прихода. Выслушав донесения Теневой стражи, он был удивлен, но вместе с тем и доволен: не зря он возлагал на юношу надежды. Если бы тот не дал отпор, это было бы разочарованием. В конце концов, без должной хватки при дворе не удержаться, а тем более не помочь Наследному принцу.

Стоявший рядом главный евнух тоже радовался — он ведь почти что вырастил этого ребенка, и теперь стало ясно: Гу Цин прошел проверку Императора. В тот же день монарх осадил жалобщиков их же словами:

— Это лишь детские шалости, вы, господа, слишком сгущаете краски.

Несколько фраз, произнесенных с нескрываемым властным достоинством, заставили всех

умолкнуть. Услышав об этом, Гу Цин, вернувшийся домой, поначалу боялся гнева Императора, но тот не только не отчитал его, а даже похвалил. С тех пор все узнали, что господин Гу — человек крутого нрава, и связываться с ним больше никто не решался.

Гу Цин не счел нужным рассказывать об этом Сяо Мину: в конце концов, он уже отомстил за себя сам.

Оба лежали на кровати, совсем как в детстве. Для двух взрослых мужчин ложе было тесновато, к тому же Сяо Мин за последние годы заметно вырос. В обычные дни, когда Гу Цин спал один, он не чувствовал неудобств, но сейчас, стоило кому-то из них пошевелиться, как они тут же соприкасались телами. Юноша ощущал неловкость, полагая, что просто отвык от чужого присутствия.

Сяо Мин повернулся на бок и обнял ворочавшегося Гу Цина:

— Не двигайся, — прошептал он, прижимая его к себе, и тут же закрыл глаза, вскоре погрузившись в сон.

Тело Гу Цина напряглось. Сделав символическую попытку вырваться, он сдался, закрыл глаза и тоже вскоре уснул.

Сяо Мин открыл глаза. Взгляд его был ясным. Понаблюдав за юношей, он увидел, как тот вдруг повернулся и, словно в поисках тепла, зарылся лицом в его грудь. Горячее дыхание опаляло кожу. Сяо Мин чувствовал жар его тела, который проникал глубоко внутрь, вызывая волну тепла, стремительно разливавшуюся по венам. Его кадык нервно дернулся. Пытаясь подавить нахлынувшее желание, он слегка отстранил Гу Цина, боясь, что тот почувствует его состояние. Но спящий Гу Цин, не ведая опасности, тут же придвинулся обратно и обнял его еще крепче.

Дыхание Сяо Мина участилось. Он изо всех сил старался унять разгорающийся внутри огонь, но безуспешно. Он хотел подняться, однако Гу Цин держал его слишком крепко. Сяо Мин прохрипел:

— Цин-Цин, отпусти меня на минутку, ладно? Мне нужно выйти.

— М-м... — Гу Цин сонно приоткрыл глаза.

Он долго смотрел на него, и когда Сяо Мин был уже на грани срыва, наконец медленно разжал руки, перевернулся на другой бок и снова уснул. Сквозь сон ему слышалось, как кто-то зовет его по имени. Он хотел открыть глаза, чтобы проверить, в чем дело, но веки казались налитыми свинцом. Одолеваемый непреодолимой волной усталости, он провалился в глубокий сон.

Ночь прошла спокойно. Проснувшись, Гу Цин увидел картину, от которой у него перехватило дыхание: он сам крепко обнимал Сяо Мина за талию. В голове на мгновение стало пусто, и лишь спустя время он пришел в себя. Подняв голову и убедившись, что Сяо Мин еще спит, он с облегчением выдохнул. Осторожно высвободив руки, он поджал губы и принялся корить себя:

когда это у него появилась такая привычка — обниматься во сне? Нужно обязательно это исправить.

Перешагнув через Сяо Мина, он выбрался с кровати, босиком дошел до ширмы, оделся и, открыв дверь, вышел наружу. Обратившись к евнуху у входа, он велел:

— Если Его Высочество проснется и спросит, скажи, что я по делам уехал из дворца!

Евнух, потупив взор, почтительно ответил:

— Слушаюсь!

Как только Гу Цин ушел, лежавший на кровати мужчина медленно открыл глаза. В них не было и следа сна. Вспомнив очаровательные движения юноши, он невольно усмехнулся, поднялся и позвал:

— Кто здесь?

Услышав голос, младший евнух тут же вошел, чтобы помочь ему умыться.

Гу Цин покинул дворец, предъявив жетон, пожалованный ему вчера Императором — с ним он мог выходить в город в любое время. Сегодня он отправился к своему учителю. Он знал, что Император всё видит, и этот жетон был одновременно и знаком доверия, и намеком на то, что пора перестать скрываться. С этого дня он больше не будет приходить к учителю тайком.

Хорошо зная дорогу, он свернул в переулок и вошел в неприметный дом.

— Пришел? — спросил голос.

— Учитель, — Гу Цин почтительно поклонился.

— Садись.

На обратном пути он увидел торговца сахарными яблоками на палочке. Подумав немного, он купил одно — решил задобрить Сяо Мина. Вернувшись, он действительно застал его дома. Гу Цин протянул ему лакомство. Глаза Сяо Мина загорелись, он принял угощение и, не удержавшись, откусил кусочек.

Глядя на него, Гу Цин улыбнулся:

— Очень сладко!

<http://bllate.org/book/20751/2080595>